

В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ И ГРАНИЦЫ СОСУЩЕСТВУЮЩИХ ЭПОХ

Модернизация — процесс, затрагивающий главный нерв цивилизационного устройства мира, поскольку она представляет собой не что иное, как попытку преодолеть временные границы, разделяющие не просто эпохи в их «линейном», «формационном» или «волновом» понимании (как некие вехи или стадии в общецивилизационном развитии), а *сосуществующие эпохи*, в которых пребывают локальные цивилизационные миры. Причем речь идет не только о смене технологических

укладов, хотя именно здесь преодоление существующего разрыва становится фактором глобальной дезинтеграции и, следовательно, постоянным источником демодернизационных процессов, протекающих на фоне ускоренной интеграции и обостряющейся конкуренции ведущих стран, а также межгосударственных союзов, но и о несовпадении «возрастных» характеристик сосуществующих цивилизаций.

Дело в том, что все локальные цивилизации (или, если воспользоваться определением Н. Я. Данилевского, культурно-исторические типы) самоценны и потому ориентированы на вечность. Д. С. Лихачев в своем выступлении в телевизионной передаче «Философские беседы» говорил в этой связи, что каждый тип культуры бесценен, а «в мире существует множество бесконечностей, и каждая бесконечность находится в несоизмеримости с другой» («Вопросы философии». 1990. № 4. С. 3). Такой подход не противоречит историческому пониманию эволюции и взаимодействия цивилизаций, которое предполагает определение динамики и направленности (в телеологическом понимании этого слова) их становления и развития.

«Возраст» локальных цивилизаций — метафора, идущая от теорий, которые уподобляют многоцивилизационный мир процессам взаимодействия и конкуренции живых организмов (так называемый «организмический» подход). Теории такого плана в наше время получили «второе дыхание» во многом благодаря неизбежной «экологизации культуры» и, в частности, «экологизации наук». Эта тенденция, которой в свое время большое внимание уделял Д. С. Лихачев (широкую известность получила его статья «Экология культуры», ставшая в конце 1970-х годов поводом для большой и продуктивной дискуссии), вполне объяснима.

Во-первых, социальные системы действительно имеют много общего с экологическими системами, что позволяет не только говорить об «экологии культуры» или «экологии научного знания», не погрешая против требований научной корректности, но и делает возможной оправданную экстраполяцию ряда эффективных концептуальных схем и методов.

¹ Академик Российской академии наук, член Президиума РАН, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН и Средне-Уральского научно-го центра Российской академии медицинских наук (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор. Академик РАМН. Автор двух научных открытий, 29 изобретений, более 500 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Патофизиология», «Иммунофизиология», «Альфафетопротейн», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека: метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др. Президент Российского научного общества иммунологов, председатель Уральского общества иммунологов, член Совета Российского фонда фундаментальных исследований. Депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ, председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» (“Russian Journal of Immunology”), «Вестника Уральской медицинской академической науки», «Вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», «Иммунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

² Профессор кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Почетный работник высшего образования РФ. Государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий и учебных пособий: «Единство и преемственность сознания», «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования», «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам», «Философия и методология политического планирования» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и сохранению культурного и природного наследия. Заместитель главного редактора журнала «Трибуна русской мысли». Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение». Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, Национальной экологической премии.

Во-вторых, экологические угрозы не считаются с нашими представлениями о суверенных территориях или социальных иерархиях, не признают межгосударственных или межцивилизационных границ. Этот подход, используемый в процессе оценки цивилизационных и социальных рисков, опирается на колоссальный массив знаний о «средовых факторах» (тот же географический детерминизм со всеми его недостатками и неиссякаемым эвристическим потенциалом), выявляющих многие закономерности возникновения и динамики развития, степень конкурентоспособности или причины гибели отдельных цивилизаций.

В-третьих, только с позиций целостного изучения функционирования социоприродных систем можно подходить к оценке модернизационных рисков, поскольку стратегия модернизации должна начинаться с модернизации экологической — стартовой и опережающей. В противном случае цена модернизации не только сделает нерентабельными все инвестиции, но и приведет к предсказуемой (но не обязательно предсказанной) катастрофе — локальной по происхождению, но трудно локализуемой по последствиям в средне- и долгосрочной перспективе.

В этом смысле правильнее было бы говорить не только о взаимовлиянии социальных и природных факторов, а также соответствующих рисков, но и об эволюции *социоприродных систем*. Не менее важен вопрос и о постепенном сближении методов, характерных для изучения локальных цивилизаций, и методологии, которая используется и совершенствуется в процессе проведения масштабных социально-экологических исследовательских программ, в числе которых особого внимания заслуживает, по нашему мнению, долгосрочная программа международного Северного социально-экологического конгресса. Одна из тем, которая является доминантой этой программы, — изучение специфики становления и формирования российской (или русской) цивилизации в контексте цивилизационной эволюции других северных и приарктических регионов. Такой подход вдвойне продуктивен, поскольку только он позволяет сегодня адекватно оценить запредельные риски предстоящей ускоренной модернизации российского Севера — экологические, социальные и этнокультурные, политические и военные, наметить контуры научно обоснованной модернизационной стратегии северных стран, обеспечивающей устойчивое и относительно безопасное развитие.

Таким образом, системная модернизация (затрагивающая все сферы жизнедеятельности в том или ином государстве либо регионе — и политику, и культуру, и производство) являет собой не что иное, как попытку «пробить» временной барьер. Эта попытка может быть продиктована потребностью преодолеть «цивилизационное угасание» или желанием заимствовать «цивилизационную энергию» восходящих культур, войдя тем самым в запрограммированную современность. Такая инициатива может идти «снизу» — например, от новых поколений «варварских» народов (именно так

определяются общества, не включенные в круг стран, считающих себя носителями «универсальной цивилизации»).

Новые поколения, преимущественно молодежь, вступающая во взрослую жизнь, не находят для себя достойной социальной ниши, но в силу многих обстоятельств не видят подлинной природы вынужденной самоизоляции их стран, хотя причина такой самоизоляции — глобальный демодернизационный тренд, о котором уже говорилось. Он, в свою очередь, связан и с углублением социального неравенства на мировом и национальном уровнях, и с неустраняемыми экологическими тупиками, и с тем фактом, что модернизационный рывок «успешных» государств был реализован благодаря принудительному присвоению (по праву силы) и «прожиганию» львиной доли стратегических природных и человеческих ресурсов планеты.

Эта внутренняя связь обычно скрыта от массового сознания, чему в какой-то степени способствуют, как ни странно, международные проекты содействия развитию отсталых регионов. Это действие — оборотная сторона их эффективности. Ту же функцию выполняют и унифицированные образовательные стандарты с факультативной «региональной компонентой» (результат распространения единых образовательных систем, обеспечивающих культурный обмен и открывающих мировые рынки труда), и, разумеется, жизненно необходимые программы гуманитарной помощи.

Но главный фактор, камуфлирующий природу глобальной демодернизации, — чрезвычайно высокий уровень коррупции в регионах-аутсайдерах, который обычно носит санкционированный характер, поскольку выполняет две взаимообусловленные функции. С одной стороны, коррупционные режимы служат гарантией неконкурентоспособности стран-доноров в обозримой перспективе, а с другой стороны, «переводят стрелки» в момент политической дестабилизации на внутренние «раздражители», объясняющие самым простым и доходчивым способом возникновение и обострение региональных и национальных проблем. Это обстоятельство снимает проблему несовершенства и несправедливости мировой системы разделения и перераспределения ресурсов.

Эффект сохраняется некоторое время, так как восходящие поколения желают любой ценой войти в круг «успешных поколений», поскольку сами тяготеют к целям и возрастным субкультурам, не признающим границ. Единственная преграда на этом пути, по их мнению, которая культивируется современными транснациональными массмедиа, — «застойные» и коррумпированные политические режимы, узурпирующие власть в их странах. Таким образом, реальность смешивается с политическими иллюзиями, что служит и как детонирующий фактор, и как рычаг «управляемого хаоса» — дестабилизации или стабилизации, когда в качестве панацеи предлагается политическая модернизация, носителем которой может стать какая-то оппозиционная

сила, опирающаяся на внешнюю поддержку. Наиболее яркая иллюстрация такой тенденции — попытки минимизировать риски «молодежных революций» в Северной Африке и предшествующие эксперименты по волнообразной смене режимов в рамках «стратегии домино».

Есть и другой путь стимулирования модернизационных программ: они могут быть инициированы или поддержаны не «снизу», а «сверху». Одна из причин такой выборочной поддержки модернизации в «отсталых» регионах — ситуация, когда лидирующим государствам выгодно в долгосрочной перспективе встроить ту или иную общность, выделенную из «устаревшего политического тела» («конструирование наций» и создание новых независимых государств), или отдельную страну в мировую систему разделения труда. Не менее типична и модернизационная энергия, идущая как бы «сбоку», поскольку она порождена межтерриториальной зависимостью стран или их конкуренцией, взаимопроникновением культур или межрегиональным сотрудничеством.

Современность, понимаемая как проект или программа (запрограммированная современность), представляет собой либо набор образцов, достойных подражания, либо ориентиров — умозрительных, идеологически обоснованных или навязанных теми, кто не нуждается в обосновании и легитимации. Образцом служит не столько опыт прошлых модернизаций (слишком много отличий технологического и политического свойства), сколько опыт тех стран, которым удалось войти в «клуб избранных» и удастся удерживать лидерство, а также те быстроразвивающиеся регионы, потенциал которых позволяет им конкурировать со странами-лидерами в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Модернизационный прорыв предполагает, по сути, изменение «временных поясов» Земли, разделяющих человеческую цивилизацию. Эти границы более устойчивы, чем государственные. Они отделяют успешный, но недостаточно устойчивый «западный мир» от конкурентов (восходящий Китай, сохранивший цивилизационную идентичность, и ряд других стран-цивилизаций) и тем более от стран-аутсайдеров, в число которых входит сегодня и «постсоветское пространство» с неограниченным, но основательно «руинизированным» ресурсным и человеческим потенциалом. Еще недавно это пространство называли российской или русской цивилизацией.

Вопрос в том и состоит, какую направленность будет и может носить модернизационная стратегия

современной России на этом фоне. При этом принципиально важно понять, будет ли российская модернизация ориентирована на восстановление исторически сложившейся цивилизации с максимальным усилением центростремительных тенденций на «постсоветском пространстве» или на ее полное угасание. Такое угасание может усиливаться в результате успешного (вопрос о цене успеха в этом случае остается открытым) технологического отрыва одной наиболее развитой, искусственно отделенной, но не обделенной стратегическими ресурсами территории (РФ) от заведомых аутсайдеров.

Среди таких аутсайдеров — некоторые бывшие регионы единой страны, которая до своего распада обладала особым преимуществом перед конкурентами на мировых рынках, так как была перестроена в XX веке по единой модернизационной схеме (регионы — сборочные цеха). К сожалению, это конкурентное преимущество, обеспечивавшее взаимовыгодное разделение труда и частично воспроизводимое в ЕС, стало едва ли не главным тормозом развития на «современном» этапе. Развитие интеграционных процессов могло бы снять наиболее уродливые формы архаизации отдельных «периферийных» территорий, но этому мешает дефицит ресурсов, востребованных Европой, и времени, а также мощная инерция центробежных сил.

В этой ситуации определить долгосрочную стратегию модернизации крайне трудно, поскольку приходится переводить политическое планирование и стратегическое прогнозирование на режим альтернативного сценарного проектирования в условиях глобальной стратегической нестабильности. Но чем сложнее задача, тем интереснее представляется ее теоретическое осмысление с позиций цивилизационного подхода, с учетом его методологического и, что не менее важно, миротворческого потенциала. Правда, тот же цивилизационный подход, ставший инструментом политиканства, способен разрушить даже вековые балансы сил на политической и цивилизационной сцене истории. С одной стороны, этот подход позволяет увидеть устойчивое начало связей между народами в нестабильном мире, выйти за пределы грубой идеологизации и политизации, характерных для традиционной оценки отношений между странами и системами. С другой стороны, сам цивилизационный подход давно стал инструментом геополитического планирования и проектирования, в результате чего сами цивилизации все чаще рассматриваются как проекты — уже осуществленные или находящиеся в стадии замысла.